

И. В. Палагута, М. Н. Митина

**НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
К СМЫСЛОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДМЕТОВ
РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ПЛАСТИКИ:
LARES ET PENATES ЭПОХИ НЕОЛИТА?**

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Российская Федерация, 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Европейские культуры эпох неолита и медного века (VII–III тыс. до н.э.) представляют многочисленные предметы мелкой пластики, которые обычно интерпретируются в связи с культурами плодородия и кругом представлений о Великой Богине. Анализ ряда наборов статуэток показал, что в их составе женские и мужские фигурки образуют устойчивые группы персонажей. Это дало основания предположить, что они изображали группу предков.

Культы предков, а также их изображения — важная часть духовной культуры традиционных обществ. Близкие структурные аналогии европейской неолитической пластике дает анализ античных, прежде всего, римских материалов. В дошедших до нас текстах упоминается и фигурирует целая группа божеств, тесно связанных с домом и семьей — *Genii Familiae, Lares Familiares et Compitales, Penates*, чьи культы восходят к почитанию предков — семейных или общинных.

Ряд черт иконографии Ларов и Пенатов дает основание для проведения параллели между ними и некоторыми группами раннеземледельческой пластики, которые можно интерпретировать как персонажей, связанных с культом предков: либо прямых, либо духов-хранителей, общих мифических предков этнической группы. Библиогр. 58 назв. Ил. 4.

Ключевые слова: первобытное искусство, пластика эпох неолита и энеолита, римская мифология, Лары и Пенаты.

**SOME REMARKS ON THE SEMANTIC INTERPRETATION OF
EARLY-AGRICULTURALISTS STATUETTES:
LARES ET PENATES OF THE NEOLITHIC AGE?**

I. V. Palaguta, M. N. Mitina

Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Art History department,
15, ul. Fuchika, St.Petersburg, 192238, Russian Federation

There are a lot of items of statuettes of the European cultures of the Neolithic and the Copper Age (7–3 millennium BC): anthropomorphic and zoomorphic figurines, various models, etc. Many of such items are original art works. Over the 20th century the interpretation of such pieces of art was mainly based on antecedent concept of ties between statuettes and fertility cults and also perceptions of Great Goddess. An analysis of some statuettes sets has revealed that there are female and male figurines, which are organized in stable character groups. It gave a reason to suppose that such sets represented a group of ancestors. The cult of ancestors and ancestor's images in various forms are represented in the world anthropology and they are important part of spiritual culture of traditional societies. An analysis of antique, particularly Roman material gives close structural analogies to the European statuettes of the Neolithic Age. In extant texts a whole group of gods associated with house and family is mentioned: *Genii Familiae, Lares Familiares et Compitales, Penates*. As a number of researchers suppose, cults of such gods date back to honor of family or community ancestors. The iconography's research of "household" gods shows a connection between *Lares* and house. Figurines and images of *Lares* are usual placed on "*Lararium*" — hovel, often framed by a portico — a kind of house model. Some features of *Lares* and *Penates* cult and it's iconography give base to draw a parallel between *Lares* and *Penates* and certain groups of the early-agriculturalist statuettes, which can be interpreted as character's images connected with ancestor's cult — either a direct ancestors or general mythology ancestors of ethnic group. Refs 58. Figs 4.

Keywords: prehistoric art, Neolithic and Copper Age figurines, Roman mythology, *Lares* and *Penates*.

Пласт европейских культур эпох неолита и медного века, охватывающий несколько тысячелетий (VII–III тыс. до н.э.), представляет огромное число разнообразных произведений мелкой пластики: антропоморфных и зооморфных фигурок, а также разнообразных моделей — жилищ и предметов их интерьера, лодок, орудий труда и оружия. Многие из этих изделий по качеству исполнения и выразительности образов являются подлинными произведениями искусства. Одной из основных проблем в изучении этого материала, как и любого другого «археологического» искусства, для которого отсутствуют какие-либо относящиеся к изображениям прямые комментарии, является интерпретация воплощенных в предметах пластики художественных образов, выявление их значений и указаний на изображаемых персонажей. Без этого дальнейшее искусствоведческое исследование этого огромного массива предметов искусства практически невозможно.

На протяжении XX столетия этот вопрос решался преимущественно в рамках выдвигаемых *a priori* положений о связи раннеземледельческой пластики с культами плодородия или кругом представлений о Великой Богине-Матери и ее воплощениях [1, 2]. Несмотря на прозвучавшую лишь недавно критику [3–6 и др.], эти положения все еще доминируют в названной области исследований. Достаточно подробно утверждение этих представлений было рассмотрено в статье Р.Хаттона [7], который воспроизвел их развитие от середины XIX в. (Э.Герхард, И.Г.Бахоффен и др.) до конца XX в. (Р.Грейвс, Дж.Харрисон, М.Гимбутас и др.), параллельно связав его с процессом популяризации феминистских и неоязыческих идей.

Развитие этого подхода во многом опирается на достаточно поздний материал, отражающий состояние культов эллинистической Греции и Рима от поздней республики до сочинений христианских критиков язычества IV в. н.э. Именно в это время, на фоне разрушения полисного строя и сложения империй, получают широкое распространение синкретические культы Кибелы — Фригийской Матери, Деметры — Цереры, Исиды и других богинь и их ипостасей с их мистицизмом и разработанной теологической основой. Посредством ретроспективы эта ситуация переносилась и на более ранние эпохи, где религиозные аспекты духовной культуры не освещены письменными источниками. Так, на основе представлений, почерпнутых из античных источников и сложившихся в эволюционистской историографии XIX–XX вв., была интерпретирована иконография изображений Крито-Микенской эпохи — как отражающая культ Великой Богини или Великих Богинь [8–11 и др.]. Достоверность такой интерпретации, основанной преимущественно на изобразительном материале, требует дополнительной проверки¹. Аналогичный подход лег в основу представлений о культах и религиозных представлениях еще более раннего периода — эпохи неолита.

Несмотря на критику, сравнительный метод, опирающийся на выявление аналогий в контексте других культур, где различные аспекты духовной культуры освещены в письменных источниках или отражены в этнографических наблюдениях, все еще остается одним из основных методов интерпретации раннеземледельческой пластики. Однако здесь при анализе важно избежать тех ошибок сравнительной

¹ В плане обманчивости внешних впечатлений интересно замечание Дж.Вейнгартен относительно «мирного» характера мотивов критского искусства: темы голландского искусства XVII в. тоже были далеки от войны, однако развитие их происходит на фоне широкой военной экспансии и постоянных агрессивных войн [12].

этнографии XIX — начала XX в., когда для реконструкций привлекались примеры, вырванные из контекста культуры, и сравнение материалов проводилось по внешнему подобию персонажей, сюжетов, обрядов, часто — на основе непроверенных данных, без надлежащей критики источников. Это был, «по сути, иллюстративный, а не сравнительный метод» [13, с. 17].

Также не всегда выдерживался один из необходимых параметров сравнения — сопоставление материалов и принципов их организации, а не выводов и априорных суждений по принципу: раз такой-то факт встречается в одной культуре, то он обязательно должен присутствовать и в другой, близкой ей стадияльно и по хозяйственному укладу. Примером подобного построения является тезис, что у земледельцев основную роль обязательно должны играть культы плодородия, выведенный исключительно из доминирования земледелия в хозяйственном укладе. Когда, например, «сущность мировоззрения первобытного земледельца» предлагается отразить «простой формулой: зерно + земля + дождь = урожаю», все звенья которой выражены «посредством женской фигуры» [1, с. 178]. Априорные положения об актуальности культов плодородия в земледельческих культурах часто дополняются и ретроспективной, попыткой выстроить генетические цепочки в пределах умозрительно реконструируемых языковых массивов (в частности, у Б. А. Рыбакова это не имеющее веских обоснований предположение об индоевропейской и протославянской принадлежности носителей трипольско-кукутенской культуры [1, с. 148–149]). Эти ошибки важно учесть при последующем анализе.

Наборы статуэток раннеземледельческой эпохи: общее и особенное

Достаточно представительный с точки зрения объема информации и цельности контекста, а также структурно организованный материал для анализа представляют не столько находки отдельных статуэток, число которых в пределах «балкано-карпатского» круга культур европейского неолита и энеолита исчисляется тысячами, сколько наборы фигурок, обнаруженные в конкретном археологическом контексте. Находки таких наборов сравнительно немногочисленны, большинство их сосредоточено в ареале археологической культуры Триполье — Кукутени, существовавшей на пространстве от Восточных Карпат до Днестра, на территории современных Румынии, Молдавии и Украины, во второй половине V — начале III тыс. до н. э. Единичные находки наборов статуэток в Болгарии, Греции и Сербии свидетельствуют о том, что они могут быть встречены и в других областях Балкано-Карпатского региона, где в этот период были распространены генетически близкие раннеземледельческие культуры «крашеной керамики» — Винча, Гумельница, Лендьел и другие (рис. 1).

Сравнительный иконографический анализ двух аналогичных по структуре наборов из 21 статуэтки и 13 миниатюрных моделей креслиц, обнаруженных *in situ* на раннетрипольско-прекукутенских поселениях Подури и Исайя, показал, что в их состав входят не только женские, но и мужские фигурки, образующие устойчивую социально (иерархически) организованную группу персонажей. Это также дало основания предположить, что они могли изображать предков [14, с. 143]. Однако такая гипотеза требует дополнительных доказательств, которые авторы попытаются вернуть в настоящей работе.

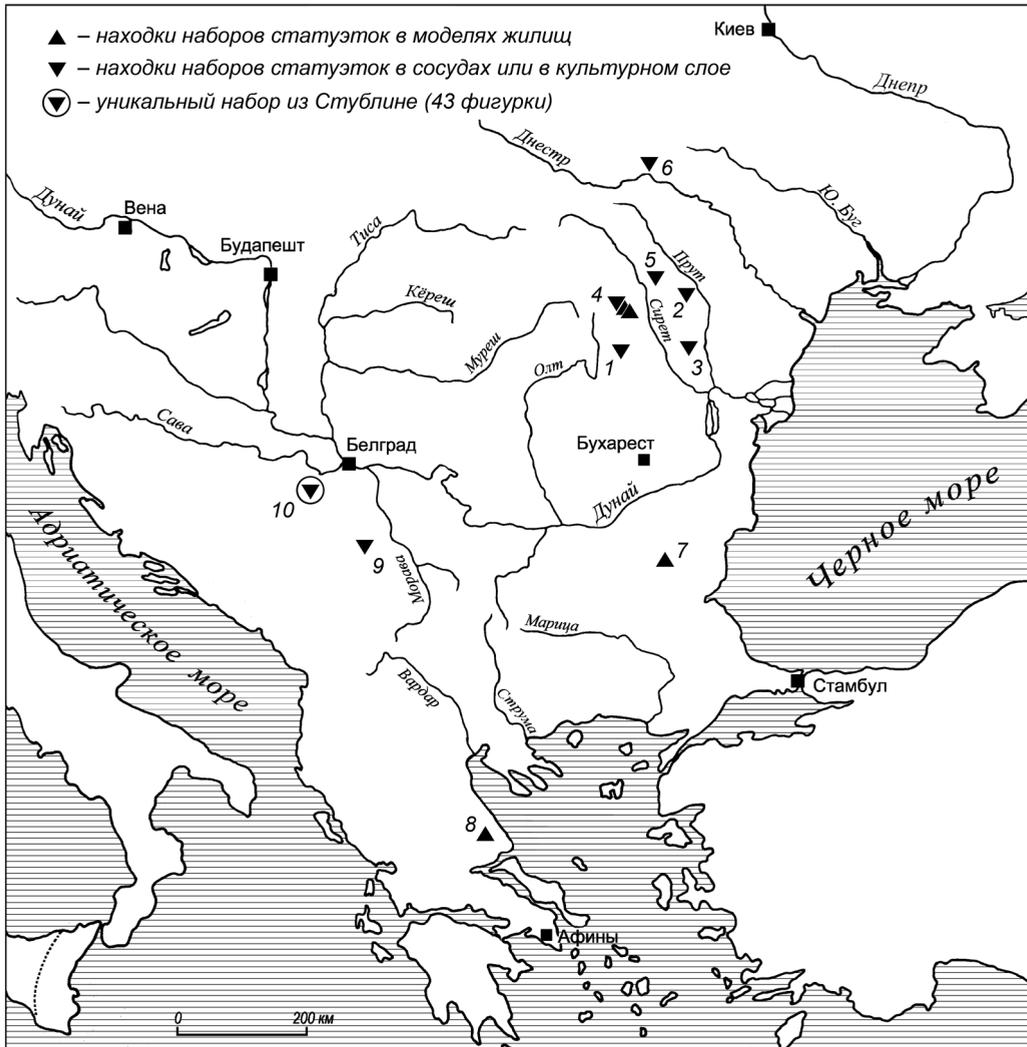

Рис. 1. Находки наборов антропоморфных статуэток в пределах круга культур «крашеной керамики» балкано-карпатского региона эпох неолита и медного века (V–IV тыс. до н.э.):

1 — Подури; 2 — Исая; 3 — Думешти; 4 — Гэлэешти; 5 — Бузня; 6 — Малиновцы (культура Триполье — Кукутени); 7 — Овчарово (культура Гумельница — Караново VI); 8 — Платиа Магула Зарко (поздний неолит Греции); 9 — Дивостин; 10 — Стублине (культура Винча).

Кроме этих наборов, группы фигурок были обнаружены на ряде некоторых более поздних по времени памятников той же культуры. Так, в Думешти (период Кукутени А) был найден набор, состоящий из 12 фигурок — 6 мужских и 6 женских [15]. Наборы из 4 разнополюх статуэток, уложенных в сосуды, обнаружены на поселениях Гэлэешти и Бузня (периоды Кукутени А-В и В). В Гэлэешти были открыты еще два уникальных комплекса, где соответственно 4 и 2 фигурки были помещены в модели жилищ [16, р. 41–49] (рис. 2, 1–2). Недавно база источников расширилась за

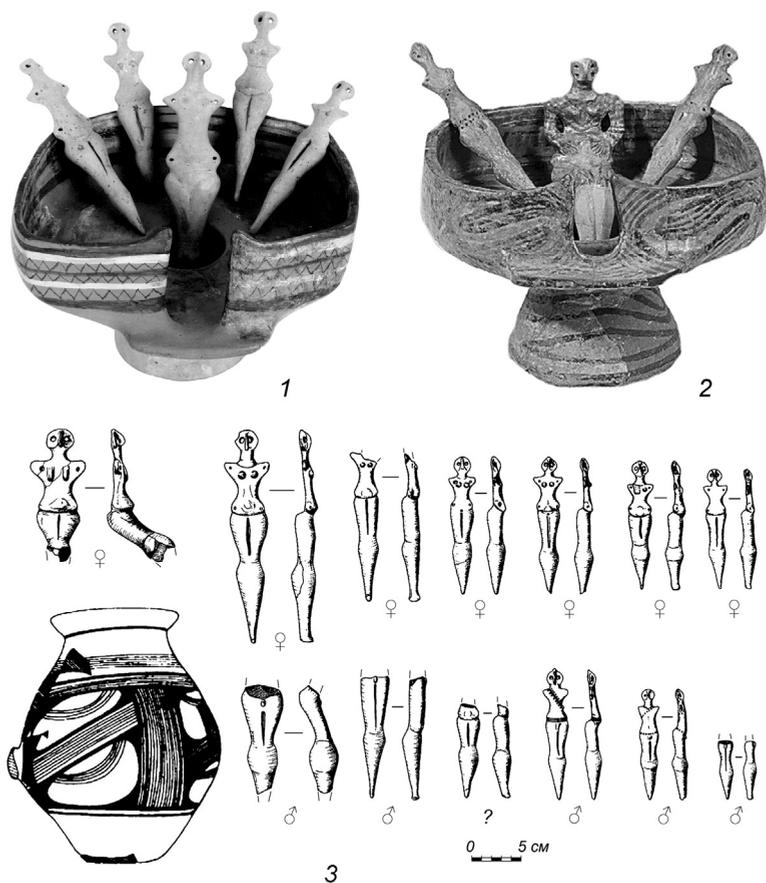

Рис. 2. Наборы статуэток, культура Триполье — Кукутени, IV тыс. до н. э.:
 1–2 — фигурки в моделях жилищ, Гэлэешти, Румыния [58]; 3 — набор фигурок,
 обнаруженный в сосуде, Малиновцы, Украина [17].

счет находки помещенного в расписной сосуд «клада» из 13 статуэток на поселении Малиновцы в Поднестровье (период Триполье CI — Кукутени B) [17] (рис. 2, 3).

Единичный характер находок вне относительно хорошо изученного трипольско-кукутенского ареала может объясняться меньшими масштабами проведенных здесь археологических исследований. Набор из 8 разнополых и различных по размеру фигурок был обнаружен под полом постройки, помещенным в модель жилища на поселении Платиа Магула Зарко в Греции. Автор раскопок интерпретировал эту находку как изображение нисходящей линии поколений предков [18], но на фоне популярности идей М. Гимбутас широкого признания такая трактовка не получила. Набор из 4 фигурок женщин с поднятыми вверх руками и предметов интерьера, помещенный в модель жилища, был обнаружен в IX горизонте поселения Овчарово в Болгарии, относящемся к археологической культуре Гумельница — Караново VI [19, с. 38, табл. VII].

Несколько особняком стоят наборы культуры Винча из Сербии. Различным образом декорированные и разные по размерам 7 фигурок (очевидно, женских) из жи-

лица 23/1956 Дивостина II представляют группу, где одна из статуэток значительно превосходит другие по размерам, однако целостность контекста здесь остается под вопросом [20]. Особую форму набора представляют 43 схематические фигурки (возможно, изначально их было больше) из Стублине, изображающие несколько групп вооруженных людей [21].

Большинство этих находок (кроме особого набора из Стублине) объединяет ряд сходных особенностей. Во-первых, сразу обращает на себя внимание связь некоторых наборов с жилищем и обитающей в нем семьей. Отчасти на это указывает то, что все их находки сделаны в жилищах, не отличающихся по контексту находок, конструкции и размерам от других жилых построек соответствующих поселений. Именно в этом — «домашнем» — контексте статуэтки хранились и демонстрировались. Кроме того, связь с домом очевидна для фигурок, обнаруженных вместе с моделями жилищ в Овчарово, Платиа Магула Зарко и Гэлэшти. Такую тесную связь антропоморфного персонажа с домом демонстрирует также достаточно обширная серия моделей жилищ, увенчанных человеческой фигурой, происходящих из памятников эпохи среднего неолита Македонии, образующих культурную группу Велушина — Породин [22].

При этом необходимо учитывать, что в раннеземледельческую эпоху в пределах рассматриваемого Балкано-Карпатского региона практически нет монументальных изображений. Даже относительно крупные личины и фигурные алтари изготавливаются из недолговечного материала — необожженной глины — и не расположены вне пределов построек [6, с. 66, рис. 19]².

Во-вторых, фигурки в наборах соответствующим образом организованы. Если учесть их различия по признакам пола (кроме Овчарово и Дивостина, во всех наборах присутствуют мужские и женские фигурки, у некоторых — пол не выражен или отсутствует), а также по размерам, то это группы, организованные по половозрастному принципу, характерному и для человеческих коллективов. Можно предположить, что персонажи в малых наборах (от 2–4 до 8 фигурок) изображают группу, соответствующую уровню малой семьи, а в больших наборах (от 12–13 до 21 и более) — объединению семей, общине.

В ряде трипольских наборов прослеживается определенная закономерность в сочетании числа входящих в них фигурок. Это позволяет предположить, что в их основе лежит относительно устойчивое представление о группе конкретных персонажей [23, с. 172–173]. Ранние наборы из Исайи и Подури включают 21 фигурку, из которых 13 сидят на креслицах, 6 — определено мужского пола, 7 — женского, 8 — с неявно выраженными половыми признаками. В наборах из Думешти — 6 мужских + 6 женских, в Малиновцах — 6 мужских + 7 женских, из которых одна женская — больше остальных по размерам. Очевидно, что здесь мы имеем дело с группой «героев», представление о которых (или о числе которых), хотя и сильно видоизмененное (соответственно различным этапам переработки текста исходных авторских комментариев), продолжает существовать как на раннем, так и на после-

² На наличие монументальной деревянной скульптуры могли бы указывать параллели в моделировке мелкой пластики (например, оформление поверхностей в виде сходящихся плоскостей), однако данный вопрос требует дальнейшей, более тщательной разработки.

дующих этапах развития культуры³. Возможно, они изображают группу персонажей на уровне родовых групп или их объединения.

Наборы из Гэлэешти и Бузня демонстрируют иной принцип организации, где число разнополых статуэток от 2 до 4. Помещение этих наборов в модели жилищ или укладка определенным способом в сосуды говорит и об отличиях в трактовке теми, кто их изготавливал и использовал.

Таким образом, данные по контексту и структуре наборов указывают на то, что они изображали группу социально организованных персонажей — некую модель социальной ячейки. Тогда можно предположить, что и функции фигурок были каким-то образом связаны с реальными человеческими коллективами разного уровня — семьей и общиной. На этом основании мы имеем возможность дальнейших сопоставлений и реконструкций.

В поиске структурных аналогий: особенности контекста и композиции как основа для сравнения

При интерпретации европейской раннеземледельческой пластики, прежде всего, напрашивается проведение стадийных параллелей, основанных на сопоставлении исследуемых материалов с изобразительным искусством обществ, соответствующих им по уровню развития. Уже предполагалось, что наборы фигурок могли изображать группы предков семейных или общинных, реальных или героизированных — мифических. Культы предков, а также разнообразные по форме их изображения в различных формах широко представлены в мировой этнографии. Они — важнейшая часть духовной культуры традиционных обществ, основной единицей которых является род или линидж. Конечно, при сопоставлении явлений культуры необходимо избегать «стадийных» параллелей, однако широкое распространение различных форм культов предков в обществах, близких по структуре европейским обществам эпох неолита и медного века, заставляет вспомнить о «качинах» индейцев Юго-Запада США или «корварах» и «телумах» — изображениях предков у меланезийцев [24, с. 256–260].

Весьма близкие структурные аналогии европейской неолитической пластике дает анализ материалов из контекста античной культуры, отраженной не только в памятниках археологии, но и в письменных источниках. Тем более, что именно интерпретация сообщений позднеантичных авторов дала в свое время основания для сложившихся представлений о культах плодородия и почитания Богинь в доисторической Европе (см. работы Р. Грейвса [25; 26, с. 6–7], Дж. Фрэзера [27] и др.). Богатую почву для исследования здесь дает не греческий материал, где теогония достаточно рано начинает развиваться в рамках литературной традиции и где в письменных источниках предельно скупо отражены народные, крестьянские и домашние верования, а римский, где часто упоминаются домашние культы.

При рассмотрении аналогий исключаются группы фигурок, явно имевшие воитивный характер и связанные со святилищами. Такие, как, например, входившие

³ Необходимо отметить, что ранние наборы отличны от более поздних еще и тем, что составляющие их фигурки были сидящими, очевидно, они предназначены для выставления и демонстрации. В позднейших наборах они стоящие с заостренными ножками — их явно предполагалось преимущественно держать в руках.

в «клады» схематические статуэтки (включавшие до 50–60 терракот), обнаруженные в ямах конца VIII–VII в. до н.э. в Элевсинионе, расположенном на пространстве Афинской Агоры к северу от Акрополя [28, р. 16–18, 24–26]. Отсюда начинались священные процессии, направлявшиеся в Элевсин во время Великих мистерий, посвященных Деметре и Коре. Вотивные фигурки, посвящаемые в специальных святилищах, изображавшие как людей, так и части их тел, были широко распространены в Древней Италии — у этрусков и латинов [29, 30]. К раскрытию характера наборов раннеземледельческих фигурок такие «посвящения», по-видимому, не имеют прямого отношения.

В контексте жилищ выступают находки разнообразных античных фигурок, большинство из которых можно атрибутировать по ряду устойчивых признаков, свойственных различным божествам. Из таких фигурок могли составляться домашние «божницы». Однако греческий материал дает преимущественно изображения полисных богов из общего пантеона и не сопровождается данными письменных источников. Учитывая рекомендацию, высказанную Платоном в его «Законах», — «не следует иметь в частных домах святилищ богов» (Платон, Законы, 909–910)⁴, домашние культы в греческих полисах не получили широкого распространения, предпочтение отдавалось общественным, полисным культам [32, с. 90–115; 33; 34].

Более близки рассматриваемым неолитическим и энеолитическим наборам пластики — по «домашнему» контексту и иконографии композиции, объединяющей группу персонажей, — присутствующие в интерьере большинства римских *domus* ов и сельских вилл «ларарии» с фигурками населяющих их Ларов, которые входят в целую группу божеств, тесно связанных с римской семьей (*familia*), родом (*gens*), общиной и ее территорией (*pagus*). Кроме *Lares Familiares*, это и *Lares Compitales*, *Lares Praestites* и *Penates*, а также *Genii Familiae*. Они упоминаются во множестве дошедших до нас текстов римских и греко-римских авторов — Марка Порция Катона, Марка Терренция Варрона, Дионисия Галикарнасского, Тита Ливия, Публия Вергилия Марона, Марка Туллия Цицерона, Петрония Арбитра, Плутарха, Публия Овидия Назона, Секста Помпея Феста, Арнобия Старшего, Амвросия Феодосия Макробия и других. Историография исследований, в которых рассматриваются связанные с ними культы, тоже достаточно обширна [35, 36].

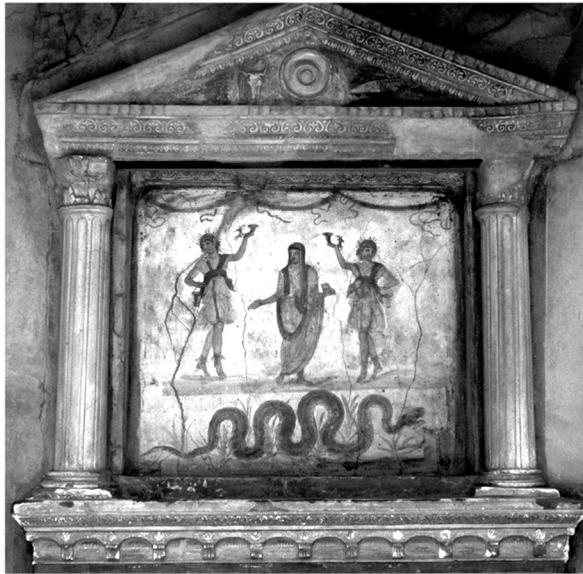
Если учесть, что все эти источники относительно поздние, начиная со II–I вв. до н.э. и заканчивая IV–V вв. н.э., как и основной изобразительный материал, который охватывает в основном период I в. до н.э. — I в. н.э., то неудивительно, что представления о Ларах и Пенатах будут «многослойными». С течением времени на них влияли изменения верований в соответствии с развитием общества, а также представления, которые сложились в рамках других, неримских культур.

Лары и Пенаты в древнеримской религии — значения, функции, культы

Наибольшее число сохранившихся ларариев относится к I в. н.э. Они обнаружены в основном в Помпеях, Геркулануме, Стабиях. Один из самых известных и вместе с тем достаточно хорошо отражающий их типические черты — ларарий

⁴ Использован русский перевод [31].

из дома Веттиев в Помпеях [37; 38, Pl. 30/2; 39, p. 103]. Выполнен он в виде ниши в стене, обрамленной портиком, создающим подобие дома или небольшого храма (таким образом иконография изображения уже указывает на тесную связь ларария с домом). Сами Лары (*Lares*) изображены в виде пары юношей, каждый из которых держит в руках ситулу и рог, украшенный изображением козерога, из которого в ситуту льется струя вина (рис. 3, 1). Под ними располагается изображение змеи. Между ними — фигура в наброшенной на голову тоге, с патерой и прямоугольной шкатулкой в руках, — по-видимому, Гений (*Genius*) хозяина дома в момент акта жертвоприношения [36, p. 256].

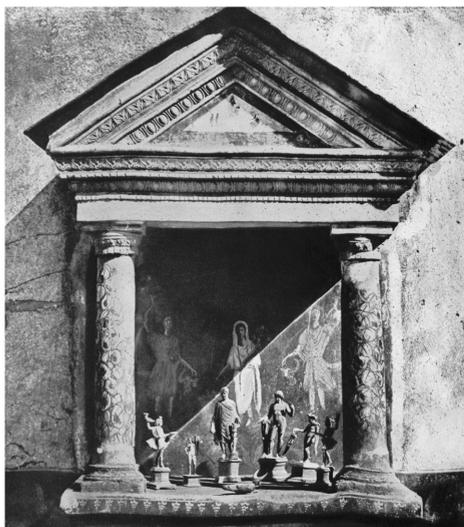

1

2

Рис. 3. Изображения Ларов:
1 — ларарий из дома Веттиев, Помпеи, I в. н. э.; 2 — фреска из Ларария с изображением змей, Помпеи [38].

1

2

Рис. 4. Ларарии и Лары:

1 — Ларарий с бронзовыми фигурками Ларов и различных богов: Эскулапа, Аполлона, Меркурия, Геркулеса [38]; 2 — римский денарий с изображением Ларов, 112/111 г. до н.э.

В нишах или шкафах-ларариях могли находиться и объемные бронзовые фигурки «танцующих» Ларов вместе со статуэтками, изображающими других божеств, почитаемых в домашнем святилище (*sacellum*) [38, Pl. 31/1–2]. Такие статуэтки Ларов с патерой и рогом изобилия в руках представлены в помпеянской коллекции Государственного Эрмитажа. Описание содержимого аналогичного ларария дает герой «Сатирикона» Петрония Арбитра (ок. 14–66 гг. н.э.): входя в дом Трималхиона и переступив порог с надписью «*save sanet*» и, судя по всему, уже пройдя в атрий, «увидел я в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные Лары, мраморное изображение Венеры и довольно большая, засмоленная золотая шкатулка, где, как говорили, хранилась первая борода самого хозяина» (Petr., Sat., XXIX)⁵. Набор предметов здесь, как видим, помимо почитаемой хозяйном богини, включает как фигурки Ларов, так и посвященные Ларам волосы, сбритые с его первой бороды.

Находки подобных ниш-ларариев широко представлены на территории Римской империи. С Ларами в них соседствовали не только фигурки различных богов, которые почитались хозяевами конкретных домов, но и изображения предков [36, p. 258–262, fig. 14.5] (рис. 4, 1).

Лары твердо ассоциируются с домом и его хозяевами. Так, в «Речи о своем доме» Марк Туллий Цицерон, требуя вернуть дом, не забывает и Ларов: «Ведь и заключается восстановление в правах: в возврате дома, земельного участка, алтарей, очагов, богов-пенатов <...> эти боги-пенаты и мои домашние лары, при вашем посредстве, вернутся в мой дом вместе со мной» (Cic., De domo, LVI, 142)⁶. На эту же связь ука-

⁵ По русскому переводу под ред. Б. И. Ярхо [40].

⁶ По русскому переводу В. О. Горенштейна [41].

зывает и Овидий, у него: «Ларов из старых домов к новым несли очагам» (Ovid., Fast., IV, 800–804)⁷.

В «Фастах» Овидия подчеркнута и охранительная функция Ларов:

Имя «хранителей» им потому присвоено было,
Что охраняет их взор все, за чем смотрят они.
Нас они берегут, соблюдают и города стены,
С нами всегда, и во всем помощь они подают.
Но у подножия Ларов стоит из камня собака —
Как объяснить, почему вместе здесь Лары и пес?
Вместе хранят они дом и оба хозяину верны;
За перепутьем следит Лар, и собака следит.
Оба сгоняют воров — и Лар и Дианина стая,
Бдительны Лары всегда, бдительны также и псы.
Долго повсюду искал я двойные богов изваянья,
Но долгодетных веков сила разрушила их.
Тысячу Ларов и Дух вождя, поручившего нам их,
Город имеет: квартал каждый чтит три божества.
(Ovid., Fast., V, 133–144).

Очевидно, что в последнем отрывке Овидий имеет в виду не «домашних» Ларов (*Lares Familiaris*), а *Lares Praestites* (досл.: «Впереди Стоящие», «Предстоящие») — хранителей города Рима. Именно такие Лары (в виде сидящих юношей с копьями) с размещенной рядом монограммой LARE изображены на денарии, выпущенном в 112/111 г. до н.э. (подпись монетария: *Lucius Caesius*, вероятно, он принадлежал к известной по источникам I в. до н.э. плебейской фамилии). У ног их изображена собака, над головами — бюст Вулкана и щипцы, относящиеся к монетному делу. На аверсе — сопровождающийся монограммой ROMA бюст молодого Вейовиса, бросающего молнию (рис. 4, 2) [35, р. 251; 43, р. 22]. Как утверждал Плутарх, собака рядом с изображениями *Lares praestites* связана с функциями этих «низших демонов» — оберегать жизнь и дом человека (Plut., Quaest. Rom., 51)⁸. Изображение на этой монете также соответствует описанию римских *Penates*, данному современником Овидия Дионисием Галикарнасским, — такими он видел их в небольшом храме, расположенном «в Риме недалеко от Форума по кратчайшей дороге, ведущей к Каринам» (Dion., Rom. Ant., I, LXVII–LXVIII)⁹. Возможно, что именно этот храм был раскопан на перекрестке *Compitum Acili* [46, р. 185–186, fig. 4.2]. Также и Сервий в комментариях к «Энеиде» Вергилия утверждает, что, по словам Варрона, боги-пенаты — это «некие статуэтки, деревянные или мраморные, которые Эней привез в Италию» из Фригии [47, с. 284]. Очевидно, во времена Овидия и Дионисия оба термина — *Lares* и *Penates* — в ряде случаев уже воспринимались как тождественные.

Проблеме происхождения культа Пенатов была посвящена обстоятельная работа А. Дюбордые [48]. Она отмечает, что, возможно, культ Пенатов к рубежу эр складывался из нескольких различных по происхождению линий, ряд из которых восходил к почитанию духов-хранителей царских родов (*gentes*) — Помпилиев, Го-

⁷ Перевод Ф. А. Петровского [42].

⁸ Русский перевод Н. В. Брагинской [44].

⁹ По русскому переводу [45].

стилиев, Марциев. Места отправления их культов были связаны с царскими резиденциями в Регию и на Велии. В отличие от легендарных Пенатов, привезенных Энеем из Трои, — скорее всего именно они хранились в храме Весты, — изображение Пенатов-Ларов на Велии, которое было описано выше, было доступно обозрению.

Еще один из вариантов объяснения Пенатов находим у Арнобия, христианского критика язычества, который около 300 г., со ссылкой на Варрона, сообщает, что Пенаты — это: «обитающие... во внутренних покоях неба боги... Этруски называют их *Consentes* и *Complices*, и именно потому, что они вместе происходят и вместе умирают, — шесть мужского и столько же женского пола, с неизвестными именами и немилосердные» (Arnob., Adv. Nationes, III, 40)¹⁰. Далее Арнобий объясняет и значение Ларов, «которых народ считает богами улиц и путей», а также «стражами кровель и домов». По его словам, в их определении Варрон колеблется, то считая Ларов Манами, и «поэтому Мать Ларов называется Манией», то «признает их за богов воздуха и героев», то «утверждает, следуя мнениям древних, что Лары — это Ларвы, как бы некоторого рода гении и души умерших» (Arnob., Adv. Nationes, III, 41).

Это представление уводит Пенатов от сближения с Ларами, но с другой стороны, проявляет интересную параллель с отмеченным выше числовым соответствием фигурок, выявленным в упомянутом трипольско-кукутенском наборе из Думешти. Добавив «Мать Ларов» к наборам из Подури, Исаяи и Малиновки (где это обычно самая крупная женская статуэтка), получаем такое же соответствие: 7 женских + 6 мужских фигурок. Конечно же, это соответствие можно рассматривать только как гипотезу и без связи с возможными этноязыковыми реконструкциями.

Культ Домашних Ларов (*Lares Familiaris*) и связанная с ним обрядность исполнялись в каждой римской *familia*, будучи важнейшей частью семейной *sacra*, а также сельскими общинами (*pagi*) — на перекрестках (*Lares Compitales*). Лары охраняли дороги (*Lares Viales*) и морские пути (*Lares Permarini*). Жертвоприношения Ларам совершались в январе, в праздник Компиталий «на перекрестке (*compita*) или на очаге» (Cato, De agri cultura, V, 3)¹¹. Ларов чтили и в майские календы — в праздник Ларалии, 1 мая (Ovid., Fast., V, 129).

В культ Домашних Ларов были вовлечены и «младшие» члены *familia* — рабы и дети. В Компиталии частью обряда было подвешивание на перекрестках вотивных фигурок — сделанных из шерсти куколок детей и шариков шерсти, символизирующих рабов [51, с. 165–166]. Лары участвовали в обрядах перехода, элементами которых может рассматриваться посвящение юношами «первой бороды» или буллы домашним Ларам в обряде надевания мужской тоги. Таким образом, становясь взрослым, юноша выходил из-под их защиты. Также невеста перед замужеством посвящала Ларам свои детские игрушки, а в доме мужа, переходя под защиту его Ларов, приносила им в жертву символическую плату — один асс [52, с. 114–115, 122–123].

В дальнейшем, в эпоху установления империи, при Октавиане Августе, происходит трансформация *Lares* в *Lares Augusti*, к которым добавляется *Genius Augusti* — так культ Ларов из домашнего превращается в государственный [53, р. 250–251].

Важнейший аспект почитания Ларов — их связь с культом предков и героев. Насколько прямо Лары с ним связаны — вопрос дискуссионный, однако в пользу их непосредственной связи говорят не только сообщения позднейших комментаторов,

¹⁰ По русскому переводу Н. М. Дроздова [49].

¹¹ По русскому переводу М. Е. Сергеевко [50].

таких как Сервий или Арнобий, но и эпиграфический материал, например, относящаяся к IV в. до н. э. посвятельная надпись «Лару Энею», обнаруженная в Лавинии [52, с. 49–52, 121; 51, с. 77]. Можно предположить, что изначально эта связь была гораздо теснее, и Лары почитались в качестве покровителей и родоначальников римских *gentes*, однако позже, с дроблением родов, с утратой связи с родовой территорией Лары утрачивают непосредственную связь с предками и ассоциируются в основном с местом, а не с какой-либо мифической (или исторической) личностью. Параллельно с Ларами в пределах дома почитали и ближайших предков: в ряде случаев, как, например в ларарии, открытом на Опийском холме в Риме в 1880-х годах, вместе с фигурками Ларов и различных божеств располагались и их скульптурные портреты [36, p. 261, fig. 14.5].

Аналогичные культы были распространены не только в Древнем Риме. В ключе представлений о предках также можно интерпретировать известный библейский сюжет об «идолах» Лавана, которые похитила у него дочь Рахиль, уезжая вместе с мужем Иаковом от отца в Ханаан. Когда разгневанный Лаван догнал караван зятя, Рахиль спрятала идолов под верблюжье седло и села на них, притворившись, что у нее менструация. Поэтому Лаван, обыскивавший шатер, так и не смог их найти (Бытие, 31, 17–35) (ср.: [54, с. 167]). Вполне можно допустить, что здесь мы имеем дело с изображениями предков. Тогда получается, что путем их похищения Рахиль уводит линию предков Лавана в род своего супруга Иакова¹².

В связи с античными домашними культурами обратим внимание еще на одну аналогию с раннеземледельческой изобразительной традицией. Обязательным атрибутом помпеянских ларариев являются изображения одной или двух змей, размещенных у алтаря, на котором лежат яйца и сосновая шишка (рис. 3, 2). Появление в домашнем культе змей вполне соответствует сообщению Плиния Старшего об обычае содержать змей в домах в качестве домашних животных (Plin. Hist. Nat, XXIX, 72) [55, p. 16]. В Греции домашние змеи персонифицировали хранителя дома — Зевса Ктесия [34, p. 216–217]. Очевидно, что они нужны были для защиты дома от грызунов, вплоть до широкого распространения в Европе домашних кошек, которые были завезены сюда из Египта как раз в эпоху Римской империи. Вопрос о том, что змеи, являвшиеся, вполне вероятно, «гениями места» (*genii loci*), символизировали здесь гениев основателей *domus*'а или выступали в качестве охранителей сакрального пространства, уже долгое время остается дискуссионным [55]. Однако при этом обратим внимание на то, что орнаменты, производные от фигур змей, достаточно широко распространены на керамике культур неолита — медного века Европы [56], а наиболее выразительные из них часто располагаются на так называемых «зерновиках» — сосудах с крышками, предназначенных для хранения. Оставив тему изображений змей для дальнейшей разработки, отметим лишь параллель общего семантического поля Ларов, гениев места¹³, гениев его хозяев-людей и змей, выступающих в едином контексте домашних культов Древнего Средиземноморья. Такая аналогия между античным и неолитическим материалом здесь вполне приемлема.

¹² Из дальнейшего повествования непонятно, тех ли именно «богов чужих» в дальнейшем закопал Иаков по дубом близ Сихема (Бытие, 35, 1–4), но, скорее всего, к «идолам» Рахили они отношения не имели.

¹³ У греков, кстати, тоже: змея — «дитя родной земли» (Herod. Ist., I, 78) [цит. по: 57].

В контексте вышесказанного связь Ларов с идеей плодородия — с тем, с чем обычно ассоциируют и пластику эпохи неолита, — оказывается опосредованной, на нее лишь указывают атрибуты Ларов и изображаемых в ларариях Гениев, среди которых, кроме патеры, ситутлы и рогов с вином, фигурирует и рог изобилия. Если обратиться к обширной римской иконографии, то сходные атрибуты обнаруживаются у целого ряда божеств и персонификаций, таких как *Felicitas*, *Annona*, *Fortuna*, *Pax*, *Concordia*, *Aequitas*, *Salus* и др. Похоже, что значение этих атрибутов не выходит за рамки указания на то, что Лары, оберегающие дом, также должны и приносить в него достаток. Попытки увидеть как в Ларах, так и в этих персонификациях следы культа гипотетической «Великой Богини» эпохи неолита остаются бездоказательными.

Выводы

Таким образом, между рассмотренными выше материалами, относящимися к различным эпохам, существует целый ряд параллелей. Во-первых, сходство форм выражения — преимущественно в мелкой пластике, или компактных изображениях, рассчитанных на демонстрацию в пределах помещения. Во-вторых, «домашний» контекст изображений, их связь с домом и обитавшей в нем семьей, родом. В-третьих, «социальность» персонажей, их антропоморфный облик, включенность в организованную группу, что говорит о связи этих персонажей с конкретными единицами человеческих коллективов.

Конечно, прямые параллели здесь проводить бесперспективно: слишком далеки друг от друга эпохи, между культурами которых нет очевидных связей, как с точки зрения принадлежности к единым языковым семьям, так и с точки зрения культурной преемственности. Однако, здесь можно говорить о едином поле взаимосвязанных значений, которое образуют представления о реальных или мифических предках и духах-гениях, хранителях домов и территорий. Это поле актуально и воспроизводится в многочисленных случаях даже вне прямой связи между культурами. Именно на это обширное поле, на наш взгляд, стоит обратить внимание при дальнейшей разработке проблем интерпретации искусства европейских культур дописьменной эпохи.

Авторы благодарят П. М. Кожина, который поддержал основную идею работы и посоветовал развить ее дальше; А. И. Бер-Глинку за помощь в подборе материала и литературы и консультации по ряду вопросов, связанных с культом змей; М. Порчича, С. Церну, Ю. Е. Березкина за полезные замечания по этой и предшествующим работам, которые позволили шире развернуть затронутую тему; О. В. Шарова за ряд практических советов; А. Ю. Беспятых за перевод терминов. Авторы также благодарят К. Фараона, Д. Бодекер, Дж. Боделя и Д. В. Журавлева за помощь в поиске литературы.

Литература

1. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
2. Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe, 7000 to 3500 BC: Myths, Legends and Cult Images. London: Thames & Hudson, 1974. 303 p.
3. Meskell L. Goddesses, Gimbutas and “New Age” archaeology // *Antiquity*. 1995. Vol. 69, N 262. P. 74–86.
4. Tringham R., Conkey M. Rethinking figurines. A critical view from archaeology of Cimbutas, the ‘Goddess’, and popular culture // *Ancient Goddesses: The Myths and the Evidence* / eds L. Goodison, C. Morris. Madison: University of Wisconsin Press and British Museum Press, 1999. P. 22–45.

5. *Lesure R. G.* Interpreting ancient figurines. Context, comparison, and prehistoric art. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 256 p.
6. *Палагута И. В.* Мир искусства древних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н.э. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.
7. *Hutton R.* The Neolithic great goddess: a study in modern tradition // *Antiquity*. 1997. Vol. 71, N 271. P. 91–99.
8. *Evans A. J.* The Minoan and Mycenaean element in Hellenic life // *The Journal of Hellenic Studies*. London, 1912. Vol. XXXII. P. 277–287.
9. *Evans A. J.* The Palace of Minos: a comparative account of the successive stages of the early Cretan civilization as illustrated by the discoveries at Knossos: in 4 vols. London: MacMillan and Co, 1921–1936.
10. *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н.э.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. 864 с.
11. *Шауб И. Ю.* «От Евразии к Европе» Ю. В. Андреева и некоторые проблемы религии Минойского Крита // *ФИТИДИЯ: Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. С. 27–33.
12. *Weingarten J.* War scenes and ruler iconography in a Golden Age: some lessons on missing Minoan themes from the United Provinces (17th c. A. D.) // *POLEMOS. Le contexte guerrieren Égée à l'Age du Bronze. Actes de la 7e Rencontre égéenne internationale Université de Liège, 14–17 avril 1998 / éd. R. Laffineur. Liège: Université de Liège; Austin: University of Texas, 1999. P. 347–357.*
13. *Эванс-Притчард Э.* Теории примитивной религии. М.: ОГИ, 2004. 142 с.
14. *Палагута И. В.* Первообытное общество в зеркале искусства: новый взгляд на интерпретацию антропоморфной пластики эпохи неолита // *Вестник СПбГУ. Сер. 15: Искусствоведение*. 2013. Вып. 2. С. 128–146.
15. *Maxim-Alaiba R.* Le complexe de culte de la phase Cucuteni A3 de Dumești (dép. Vaslui) // *La civilisation de Cucuteni en contexte Européen. Session scientifique dédiée au centenaire des premières découvertes de Cucuteni (Iași — Piatra Neamț, 24–28 septembre 1984). Iași: Université "Al.I. Cuza", 1987. P. 269–286.*
16. *Monah D.* Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie / *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis*, 3. Piatra-Neamț: Muzeul de Istorie Piatra Neamț, 1997. 524 p.
17. *Шманько О.* Випадкова знахідка ритуального скарбу трипільської культури з території Середнього Подністров'я // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Львів, Інститут українознавства імені І. Крип'якевича при НАН України, 2008. Вип. 12. С. 368–374.
18. *Gallis K. J.* A late Neolithic foundation offering from Thessaly // *Antiquity*. 1985. Vol. LIX. P. 20–24.
19. *Тодорова Х.* Археологическо проучване на праисторически обекти в района на с. Овчарово, Търговишко, през 1971–1974 // *Овчарово. Разкопки и проучвания, IX*. София: Археологически институт с музей, 1983. С. 7–104.
20. *Letica Z.* Anthropomorphic and zoomorphic figurines from Divostin // *Divostin and the Neolithic of Central Serbia / eds A. McPherron, D. Srejović. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1988. P. 173–202.*
21. *Crnobrnja A.* Arrangement of Vinča culture figurines: a study of social structure and organization // *Documenta Praehistorica XXXVIII*. Ljubljana, 2011. P. 131–147.
22. *Колиштркоска Настева И.* Праисториските дами од Македонија. Каталог. Скопје: НУ Музеј на Македонија, 2005. 116 с.
23. *Палагута И. В.* Наборы статуэток Прекукутени — раннего Триполья: опыт социокультурной интерпретации раннетрипольской пластики // *Российский археологический ежегодник*. СПб., 2013. Вып. 3. С. 141–211.
24. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 624 с.
25. *Graves R.* The White Goddess: A historical grammar of poetic myth, amended and enlarged edition. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1966. 512 p.
26. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
27. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 704 с.
28. *Mtles M. M.* The City Eleusinion / *The Athenian Agora Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens*. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1998. Volume XXXI. 233 p.
29. *Turfa J. M.* Votive offerings in Etruscan religion // *The Religion of the Etruscans / eds N. Thomson de Grummond, E. Simon. Austin: University of Texas Press, 2006. P. 90–115.*
30. *Glinister F.* Reconsidering “religious Romanization” // *Religion in Republican Italy / eds C. E. Schultz, P. B. Harvey. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 10–33. (Yale Classical Studies, Vol. XXXIII.)*
31. *Платон*. Соч. в 4 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. 3, ч. 2. 731 с.

32. *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб.: Алетейя, 1998. 256 с.
33. *Boedeker D.* Family matters: Domestic religion in Classical Greece // *Household and Family Religion in Antiquity* / eds J. Bodel, S. M. Olyan. Oxford: Blackwell, 2008. P. 229–247.
34. *Faraone C. A.* Household religion in Ancient Greece // *Household and Family Religion in Antiquity* / eds J. Bodel, S. M. Olyan. Oxford: Blackwell, 2008. P. 210–228.
35. *Waites M. C.* The nature of the Lares and their representation in Roman art // *American Journal of Archaeology*. 1920. Vol. 24, N. 3. P. 241–261.
36. *Bodel J.* Cicero's Minerva, Penates, and the Mother of the Lares: An outline of Roman domestic religion // *Household and Family Religion in Antiquity* / eds J. Bodel, S. M. Olyan. Oxford: Blackwell, 2008. P. 248–275.
37. *Giacobello F.* Larari Pompeiani: Iconografia e culto dei Lari in ambito domestico. Milano: LED, 2008. 294 p.
38. *Boyce G. K.* Corpus of the *Lararia* of Pompeii. Rome: American Academy in Rome, 1937. 112 p. (Memoirs of the American Academy in Rome. Vol. 14.)
39. *Cooley A. E., Cooley M. G. L.* Pompeii. A sourcebook. London: Routledge, 2004. 254 p.
40. *Петроний Арбитр.* Сатирикон / пер. с лат. под ред. Б. И. Ярхо. М.: «Вся Москва», 1990. 240 с.
41. *Марк Туллий Цицерон.* Речи в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 2. Годы 62–43 до н.э. 400 с.
42. *Публий Овидий Назон.* Элегии и малые поэмы / пер. с лат. Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1973. 528 с.
43. *Seaby H. A.* Roman Silver Coins. Vol. I. The Republic to Augustus. London: Seaby, 1989. 166 p.
44. *Плутарх.* Моралии: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. 1120 с.
45. *Дионисий Галикарнасский.* Римские древности: в 3 т. / пер. с лат. Н. Г. Майоровой, И. Л. Маяк, Л. Л. Кофанова, А. М. Сморгачева, В. Н. Токмакова, А. Я. Тыжова, А. В. Щеголева. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005.
46. *Beard M., North J., Price S.* Religions of Rome. Volume 1. A History. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 476 p.
47. *Вергилий.* Энеида / пер. с лат. С. С. Ошерова; Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия / пер. с лат. Н. А. Федорова. М.: «Лабиринт», 2001. 288 с.
48. *Dubourdieu A.* Les origines et le développement du culte des Pénates à Rome. Rome: École Française de Rome, 1989. 594 p.
49. *Арнобий.* Против язычников / пер. Н. М. Дроздова, под ред. А. Д. Пантелеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 398 с.
50. *Марк Порций Катон.* Земледелие / пер. М. Е. Сергеевко. СПб.: Наука, 2008. 224 с.
51. *Маяк И. Л.* Рим первых царей (Генезис римского полиса). М.: Изд-во МГУ, 1983. 272 с.
52. *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987. 320 с.
53. *Cooley A. E.* Beyond Rome and Latium: Roman religion in the Age of Augustus // *Religion in Republican Italy* / eds C. E. Schultz, P. B. Harvey. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 228–252. (Yale Classical Studies. Vol. XXXIII.)
54. *Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1989. 542 с.
55. *Boyce G. K.* Significance of the Serpents on Pompeian House Shrines // *American Journal of Archaeology*. 1942. Vol. 46, N 1. P. 13–22.
56. *Балабина В. И.* К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // *Вестник древней истории*. 1998. № 2. С. 135–151.
57. *Геродот.* История в девяти книгах / пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
58. *Draşovean F., Popovici D. N.* Neolithic Art in Romania. Bucharest: Arte'm, 2008. 232 p.

Статья поступила в редакцию 4 июня 2014 г.

Контактная информация

Палагута Илья Владимирович — доктор исторических наук; ipalaguta@yandex.ru

Митина Мария Николаевна — аспирант; mitina.mary@gmail.com

Palaguta Ilya V. — Dr. habil.; ipalaguta@yandex.ru

Mitina Marya N. — Post graduate student; mitina.mary@gmail.com